

на правах рукописи

Сафонов Александр Андреевич

**ВНУТРЕННЯЯ МАКЕДОНИЯ В СОСТАВЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ:
СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП
(КОНЕЦ XIV — НАЧАЛО XVII В.)**

**Раздел 07.00.00 – Исторические науки
Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (Средние века)**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Москва 2011

Работа выполнена на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Лукин Павел Евгеньевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Полывянный Дмитрий Игоревич

доктор исторических наук, профессор
Воробьева Ирина Геннадиевна

Ведущая организация: Институт славяноведения РАН

Защита состоится «___»___ 2011 г. в ___ часов на заседании Диссертационного совета Д.501.002.12 по всеобщей истории при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Адрес: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, Исторический факультет, ауд. ____

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени А.М. Горького (г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27).

Автореферат разослан «___»___ 2011 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Т.В. Никитина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы.

Проблематике перехода славянских и других народов Балкан от Средневековья к Новому времени как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке издавна уделяется пристальное внимание. Неизменный интерес к этой теме объясняется сложностью социальных и иных процессов, ознаменовавших собой этот переход и, во многом, обусловивших своеобразие последующего развития региона.

Многие будущие конфликты были predeterminedены различной исторической судьбой балканских народов, в свое время включенных в единое социально-правовое пространство Османской империи. Одни этноязыковые общности консолидировались и трансформировались в нации Нового времени, другие были ассимилированы более успешными соседями. Некоторые области полуострова до сих пор остаются зоной интенсивного межэтнического взаимодействия самого разного рода, в условиях смешанного, чересполосного проживания на одной территории этнически и культурно разнородных общин.

При этом большинство ключевых вопросов социальной истории балканских народов османского периода, несмотря на значительные успехи, достигнутые в ее изучении, продолжают носить дискуссионный характер, а их научная интерпретация — испытывать сильное влияние позднейших национальных идеологий.

Полиэтническая историко-географическая область Македония, располагающаяся в самом центре Балканского полуострова, в полной мере испытала на себе все превратности перехода от Средневековья к Новому времени, что позволяет рассматривать трансформацию общественных отношений среди ее населения как репрезентативную модель социальной эволюции всего региона.

Как таковая, область Македония соответствует, в категориях современного государственно-политического деления, не только территории одноименной бывшей югославской республики со столицей в Скопье, но и сопредельным с ней частям современных Греции, Болгарии и Албании. В свою очередь, в рамках Македонии как целого выделяются две основные подобласти: Приморье (низменности, примыкающие к Эгейскому морю, и полуостров Халкидика) и Внутренняя Македония (хинтерланд). Именно Внутренней Македонии и посвящена данная диссертационная работа.

Своеобразие исторического развития обеих подобластей было вызвано различиями не столько в этническом составе их населения, сколько в их географическом положении. Приморье практически всегда было прочно интегрировано в макросистему Восточного

Средиземноморья через действующий здесь крупнейший город-порт Фессалоника (Салоники), тогда как Внутренняя Македония отчетливо принадлежала к аграрной периферии средиземноморского мира. Культивация здесь более северных видов растений в сочетании с развитием отгонного скотоводства предопределила длительное сохранение форм натурального хозяйства (особенно в горных долинах), а относительная изоляция от Средиземноморья обусловила не менее длительное сохранение архаичных черт в социальной организации населения.

Обратим внимание на переходность и разнообразие природных условий Внутренней Македонии, при которых черты, свойственные различным балканским областям, встречаются и смешиваются в пределах сравнительно небольшого пространства. Поскольку Внутреннюю Македонию возможно рассматривать как целостную историко-географическую единицу, именно эта подобласть и составляет **объект** данного диссертационного исследования.

Особенности природных условий Внутренней Македонии оказали существенное влияние на ее историческое развитие. Абсолютно преобладавшее здесь сельское (не городское): земледельческое и скотоводческое, — население отчетливо дробилось на отдельные локальные группы, каждая из которых занимала особую хозяйственно-экологическую «нишу», формировала собственный социальный уклад, обладала более или менее устойчивым локальным самосознанием. Однако в рамках единого административно-правового поля Османской империи даже такие локальные группы должны были взаимодействовать между собой тем или иным образом, в т.ч. и при посредничестве местной администрации.

Эволюция такого взаимодействия и является непосредственным **предметом** настоящей работы. А ее **цель** состоит в системном исследовании, на примере Внутренней Македонии, социальных процессов среди балканского, в т.ч. славянского, населения при переходе от Средневековья к Новому времени, который, в свою очередь, был неразрывно связан с исторической судьбой Османского государства.

Как представляется, стержнем этого перехода было универсальное противоречие между космополитическими городскими центрами и консервативной сельской периферией. В данной работе социальные процессы рассматриваются с точки зрения сельского общества, поскольку именно крестьяне составляли подавляющее большинство как македонского, так и всего балканского населения той эпохи и были хранителями его традиционной культуры и этнического своеобразия. Несмотря на все процветание османских городов, урбанистические процессы в аграрном обществе не могли не быть производными от состояния сельскохозяйственной округи.

Соотнесение данной цели с возможностями введенного к настоящему времени в научный оборот фонда источников побуждает к постановке следующих исследовательских задач:

- анализ процессов интеграции различных социальных групп в османское административно-правовое поле;
- моделирование вариантов воздействия природных факторов на социальные процессы;
- комплексное рассмотрение внутренних миграций и, прежде всего, процесса оседания горных скотоводов;
- описание практик управления, применяемых местными властями с учетом локальной специфики социальных отношений;
- изучение самоорганизации локальных групп и «горизонтальных» контактов между ними.

Хронологические рамки исследования определяются с учетом его задач. Нижняя хронологическая граница, очевидным образом, совпадает с началом османского завоевания Внутренней Македонии в 1371—1372 гг. При установлении османской власти внедрялась новая социально-правовая система, значительно изменившая и усложнившая социальную структуру и локальные отношения.

Сложности с определением верхней хронологической границы связаны с социально-политическими потрясениями, характеризующими вхождение Османской империи в Раннее Новое время. Концепция османского «золотого века» и его заката в XVII в. сегодня представляет собой предмет научных дискуссий. С большой долей условности, завершающей границей османского «золотого века» применительно к Внутренней Македонии могут быть признаны 1630-е гг., когда кризисные явления стали проявляться даже в самых благополучных районах — таких как Пелагония и район Охридского озера. Во 2 трети XVII в. произошел качественный рост социальной напряженности, открывший в социальной истории Внутренней Македонии совершенно новый период.

Теоретическая значимость.

В диссертации, в рамках междисциплинарного подхода, изучается взаимосвязь между естественными и социальными процессами, предлагаются и верифицируются новые понятия и термины.

Практическая значимость.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при подготовке научных работ, а также учебных курсов и учебных пособий по истории, исторической географии и этнографии славянских и других балканских народов.

Источниковая база, привлекаемая к исследованию в рамках диссертации, в целом, достаточно разнообразна. Значительное число традиционных (письменных) источников, относящихся к истории Внутренней Македонии интересующего периода, опубликовано и введено в научный оборот.

Использованные источники условно могут быть разделены по их происхождению на отдельные группы: османские материалы, памятники славяно- и грекоязычной книжно-письменной практики, иностранные свидетельства, — а также на отдельные типы: акты материалы, хроники и т.д. Еще один важный массив информации представляют собой этнографические материалы.

Основной вид источников османского происхождения, использованный в работе — разного рода документы местных канцелярий и судов: канун-намэ, ферманы, вакуф-намэ, регистры, кадийские сиджиллы.

Для кодификации правовых норм составлялись канун-намэ — своды законодательства, издаваемые по приказу султана для конкретной местности. По своему составу канун-намэ — мало упорядоченное собрание норм, большинство из которых посвящено традиционным налоговым режимам данной местности, их видоизменению в новых условиях, а также связанному с ними сословно-правовому статусу привилегированных групп. Сравнение правовых норм, содержащихся в канун-намэ султанов Мехмеда II Фатиха (1451—1481 гг.) и Сулеймана I Кануни (1520—1566 гг.)¹, позволяет установить направление социальных перемен XV—XVI вв.

Следующий тип османской документации представляют собой ферманы — приказы, отдаваемые центральными властями от имени султана для немедленного исполнения со стороны провинциальной администрации. Особый интерес вызывают ферманы в функции жалованных грамот — вакуф-намэ, относящиеся к XIV—XV вв. и подтверждающие привилегии монастырей и других христианских центров². Важные для

¹ Турски извори за историята на правото в българските земи. Т. 1. София: БАН, 1961.

См. также: «Канун-наме» Мехмеда II Фатиха о военно-административной и гражданской бюрократии Османской империи в XV в. // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990. С. 81—96.

² См., например: *Zachariadou E.A.* Early Ottoman Documents of the Prodromos Monastery (Serres) // *Zachariadou E.A.* Romania and the Turks (c. 1300 — c. 1500). London: Variorum Reprints, 1985 [Südost-Forschungen. Bd. XXX. Munich, 1972. S. 1—12].

анализа экономического развития акты XV в. из собрания Национальной библиотеки в Париже изданы Н. Бельдичеану³. Ферманы из архивов Стамбула, отражающие положение дел в землях Внутренней Македонии в XVI в., опубликованы Д. Шоповой⁴. Ферманы позволяют выявить те вопросы, которые не могли быть разрешены на местном уровне и потому требовали вмешательства центральной власти.

Источники следующего типа — кадийские сиджиллы — составляют самую обширную часть сохранившегося актового материала. Сиджиллами называются сборники бюджетов — протоколов кадийского суда. Применительно к Внутренней Македонии, исключительное значение имеет опубликованная македонскими османистами коллекция сиджиллов XVII в., происходящая из кадилыка Манастир⁵. Исполнение кадиями должностных обязанностей подразумевало не только судопроизводство, но также совершение нотариальных операций, регистрацию браков и сделок, контроль за вакуфами и сбором ряда налогов. По этой причине в состав сиджиллов включались документы самого разного характера: как собственно судебные акты, так и свидетельства о нотариальных и иных операциях кадия, — что делает данный тип источника исключительно важным для изучения повседневной жизни населения Македонии. Обратим внимание на то, что не все приговоры и нотариальные акты в обязательном порядке фиксировались в сиджиллах, но лишь дела об уголовных преступлениях и решения, в фиксации которых были заинтересованы тяжущиеся стороны.

В рамках диссертации к исследованию активно привлекаются решения шариатского суда по делам следующего рода: по преступлениям, совершенным организованными группами; по религиозным преступлениям; по преступлениям, направленным непосредственно против государства; по вопросам применения круговой поруки; по коллективным жалобам общинников.

Очень важны документы, определяющие взаимоотношения между мусульманами и христианами, прежде всего: решения шариатского суда по преступлениям, сторонами которых оказывались представители разных религий; решения суда по имущественным и налоговым вопросам, вызывающим конфликт между райей и спахием; нотариально

³ *Beldiceanu N.* Les actes des premiers sultans conservés dans les manuscrits turcs de la Bibliothèque Nationale à Paris. T. I (Actes de Mehmed II et de Bayezid II du ms. fonds turc anc. 39). Paris, 1960. T. II (Règlements miniers, 1390—1512). Paris, 1964.

⁴ *Шопова Д.* Македонија во XVI и XVII век. Документи од цариградските архиви (1557—1645). Скопје, 1955.

⁵ Турски документи за историјата на македонскиот народ. Сер. 1 (1607—1699). Т. 1 (26.06.1607 — 30.05.1623). Скопје: Државна архива на СРМ, 1963. Т. 2 (9—17.01.1627 — 25.11.1635). Скопје: Архив на СРМ, 1966.

заверенные смешанные браки и разводы; нотариально заверенные займы (списки заемщиков); акты, сопровождающие переход христианина в ислам и получение им материальной премии от мусульманской общины.

По сиджиллам достаточно трудно определить обстоятельства конкретного дела, степень виновности или невиновности преступника. Высокий уровень коррупции, неравенство христиан и мусульман перед судом, частая юридическая неграмотность кадиев и применение жестоких средств дознания не позволяют полностью доверять объективности приговоров. Но сама фиксация позиций сторон, обвинений и свидетельских показаний предоставляет исключительно важные и богатые сведения о правовой культуре, морали, образе жизни местного населения.

Рассмотрев основные типы османской документации, перейдем к произведениям индивидуального, авторского характера.

В работе используется трактат Али-Чауша, жителя Софии, посвященный необходимости возвращения к идеализируемым сословно-правовым нормам XV—XVI вв.⁶ Его сочинение демонстрирует воззрения, распространенные в среде провинциальной османской администрации.

Из османских путешественников наибольшую известность получил Эвлия Челеби (ум. 1682 г.), описавший в своем десятитомном путевом дневнике «Сейхат-намэ» многоликое пространство империи⁷. Хотя путешественник совершал свои странствия в середине XVII в., указанные детали и подробности позволяют реконструировать повседневную жизнь и более раннего времени.

Вторая обширная группа источников связана со славяно- и грекоязычной книжно-письменной практикой, важнейший пласт которой составляет агиография. В данной работе использован т.н. «Афонский патерик»⁸, включающий греческие и славянские памятники, связанные с монастырями Афона и потому сообщающие много ценных подробностей о повседневной жизни христианских общин Македонии. Агиографические памятники содержат описание многих деталей повседневной жизни христианского населения: мотивации совершения поступков, обстоятельств семейной жизни, отношений между монахами и мирянами, — которые невозможно восстановить по иным материалам.

⁶ Трактат Али-Чауша // Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв. Документы и материалы. М., 1963. С. 92—127.

⁷ Челеби Е. Пътепис. София, 1972; *Čelebija E. Putopis (odlomci o jugoslovenskim zemljama)*. Sarajevo, 1963. Т. 2.

⁸ Афонский патерик или жизнеописание святых, на святой Афонской горе просиявших. Т. 1—2. Русский на Афоне Св.-Пантелеймонов монастырь, 2002.

Записи и маргинальные пометы в рукописных книгах позволяют установить факты, не известные по другим источникам. Так, в записях содержатся уникальные подробности и детали быта духовенства и монашества в македонской «глубинке», приводятся имена, титулы и биографические сведения об иерархах Охридской архиепископии и Вселенской (Константинопольской) патриархии. Летописные записи указывают на голодные годы и различного рода природные аномалии. Частые упоминания султанов, местных властей и иностранных правителей нередко содержат оценочные эпитеты, позволяющие судить о мировоззрении и политической ориентации того или иного писца. Кроме того, в записях наиболее остро и откровенно проявляются эмоции книжников, в частности апокалиптические ожидания. Отметим классические собрания таких записей, изданные Л. Стояновичем⁹ и Й. Ивановым¹⁰.

Значительный интерес представляют македонские кодичи и помянники — сборники с именами для чтения молитв и совершения литургий, важный источник по антропонимике, позволяющий определить этнический состав христианской паствы¹¹. Обычно поминание имен заказывали монахам родственники умерших, заболевших, находившихся в странствии, а также богатые ктиторы. Поскольку в помянниках отражены не только имена, но и населенные пункты, на их основе возможно реконструировать культурные связи между отдельными македонскими землями.

Иной тип источников представляет собой апокрифическая книжная традиция, содержащая сборники предсказаний, гадательные книги, разного рода сонники¹². Широкое распространение подобных памятников свидетельствует о тяжелом психологическом состоянии, в котором пребывало христианское общество в первые века османского владычества.

Уникальный и широко известный славяноязычный памятник XV в. — «Записки янычара», приписываемые некоему Константину Михайловичу из Островицы¹³. Характерной чертой памятника выступает нарочито авторский взгляд на османское государственное устройство, на ислам и положение балканских народов.

⁹ Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи. Књ. 1. Београд: Државна штампарија, 1902. Књ. 4. Ср. Карловци, 1923 (Зборник за историју, језик и књижевност српскога народа. Од. 1. Књ. X).

¹⁰ Иванов Й. Българите в Македония. София, 1986; *Он же*. Български старини из Македония. София, 1970.

См. также: Писахме да се знае. Приписки и летописи. София: Изд-во на Отечествения фронт, 1984.

¹¹ Селищев А.М. Македонские кодичи XVI—XVIII вв. Очерки по исторической этнографии и диалектологии Македонии. София, 1933.

¹² Народното четиво през XVI—XVIII век. София: Български писател, 1990.

¹³ [Константин Михайлович из Островицы] Записки янычара. М.: Наука, 1978.

Описания македонских земель и их населения иностранными путешественниками, посещавшими балканские владения Османской империи в качестве послов, торговцев, паломников или военнопленных, отличаются наибольшей степенью субъективности: в записках отражены непонимание авторами балканских социально-бытовых реалий, предубежденность в религиозных вопросах, ограниченность в контактах с местным населением. Европейские путешественники также, в значительной мере, идеализировали Восток под влиянием гуманистической культуры, превращали реальность в своего рода литературный образ, благодаря которому надеялись снискать уважение читателей. Однако то обстоятельство, что местные обычаи вызывали удивление иностранцев, заставляло последних описывать, нередко весьма скрупулезно, детали повседневной жизни балканского населения: дома, одежду, еду, манеры поведения и т.д.

Наиболее изучено литературное наследие Стефана Герлаха¹⁴ — лютеранина, дипломата на службе германского императора, чьи описания отличаются подробностью и вниманием к деталям, хотя зачастую основаны на слухах и вторичных источниках, а потому недостаточно достоверны.

Наконец, для реконструкции культуры и социальных отношений среди македонского населения интересующего периода могут быть привлечены различные этнографические материалы.

Основной использованный в диссертации этнографический материал — сборники народных песен из Пиринского края (восточные районы Внутренней Македонии в составе современной Болгарии)¹⁵. Выбор в пользу пиринских материалов продиктован тем, что записанные и опубликованные тексты — в количестве свыше 2,5 тысяч — отражают основные жанровые и сюжетные особенности фольклора славян Внутренней Македонии. Компактная зона записи песен и применяемые фольклористами методы их классификации обеспечивают высокую репрезентативность содержащейся в них информации.

Особое значение для рассматриваемой темы имеют этнографические источники по обычному праву, бытовавшему среди различных этнических групп Внутренней Македонии. Наиболее полно и в нескольких редакциях было записано обычное право албанцев-гегов, действовавшее на обширной территории от Черногории до Западной Македонии — т.н. Канун Лека Дукагини¹⁶. В свою очередь, славянское обычное право

¹⁴ Герлах С. Дневник на едно пътуване до Османската порта в Цариград. София: Изд-во на Отечествения фронт, 1976.

¹⁵ Молеров Д., Молеров К. Народописни материали от Разложко. София: БАН, 1954 (Сборник за народни умотворения и народопис. Кн. XLVIII); Народни песни от Югозападна България. Пирински край. Т. 1. София: БАН, 1967. Т. 2. София: БАН, 1994.

¹⁶ Памятники обычного права албанцев османского времени. М.: Наука, Восточная литература, 1994.

записывалось С.С. Бобчевым¹⁷. Опубликованный исследователем опросник позволяет выявить не только сами правовые нормы, но и локальные различия между болгарскими и собственно македонскими землями.

В целом, указанные источники, как представляется, достаточно достоверно и репрезентативно отражают социальные процессы, имевшие место во Внутренней Македонии в конце XIV — начале XVII в.

Методологическую основу исследования составляют принципы объективности и историзма. На основании комплекса источниковедческих методов в массиве доступных источников выявляются конкретные факты социальной действительности, обобщаются социальные явления, проводится их верификация. Реконструкция в условиях относительной скудости достоверных источников основана на моделировании социальных процессов в русле системного анализа.

Системный подход к моделированию социальных процессов предполагает следующее. Согласно этому методу, общество Внутренней Македонии рассматривается в качестве сложной социальной системы, состоящей из подсистем: групп и коллективов, — а также социальных единиц — индивидов. Совокупность разнонаправленных действий подсистем и единиц определяет общее состояние и направление развития системы. При этом в силу своих больших размеров и сложности, система обладает собственными свойствами, не сводимыми к механическому сложению действий ее составляющих. В числе наиболее важных свойств назовем инертность (стабильность), проявляющуюся в стремлении системы сохранить неизменным вектор развития; внутренний баланс составляющих (система «сдержек и противовесов»), при котором усиление одной составляющей приводит к «объединению» против нее всех остальных; в определенном смысле — экономическую замкнутость. Признание за обществом Внутренней Македонии статуса социальной системы делает возможным применение методов социального моделирования.

В работе также используются методы районирования, основанные на универсальном принципе изучения свойств пространства — его разбиении на более однородные по выбранному признаку районы.

Перечисленные методы исторического исследования применительно к доступному источниковому материалу были использованы для системного рассмотрения широкого комплекса социальных проблем. При этом они позволяют выйти на более высокий

¹⁷ *Бобчев С.С.* Българско обичайно судебно право. София: Д-во Балкан, 1917 (Сборник за народни умотворения и народопис. Кн. XXXIII); *Он же.* Българско обичайно наказателно право. София: П. Глушков, 1927 (Сборник за народни умотворения и народопис. Кн. XXXVII).

уровень обобщения, оценить единство общества Внутренней Македонии, не сводимого к простой совокупности этнорелигиозных групп и классовых стратов, рассматривать пространство Внутренней Македонии как поле взаимодействия между различными социальными группами и индивидами в координатах общепринятых правил поведения.

Историография. Традиционно в отечественной и зарубежной исторической славистике и балканистике основное внимание уделяется, прежде всего, Новой и Новейшей истории народов и стран Балканского региона, а также их истории периода Раннего и Развитого Средневековья. Что же касается истории македонских земель и их населения в период османского владычества и, в частности, в конце XIV — начале XVII в., то она столь подробного освещения еще не получала.

Это обстоятельство объясняется целым рядом объективных причин, включая состояние имеющейся источниковой базы и отсутствие у населения Македонии того времени отдельной, самостоятельной государственности, а, в ряде случаев, еще и отчетливого и устойчивого этнического самосознания.

В свою очередь, историки-османисты сосредоточивают главные усилия на изучении явлений, охватывавших все пространство Османской империи, в меньшей степени уделяя внимание специфике исторических процессов в тех или иных конкретных ее владениях.

В целом, история Македонии рассматривается в историографической традиции преимущественно в контексте национальной полемики, известной как «Македонский вопрос». Под ним принято понимать широкий спектр этнополитических, культурных и языковых проблем, решение которых в пользу той или иной современной балканской нации истолковывается как историческое право данной нации на этнополитическое доминирование на территории области.

Как таковая, сама полемика возникла в последней трети XIX в. после того, как Берлинский конгресс (1878 г.) оставил Македонию в составе Османской империи. На право полной или частичной аннексии области стали претендовать Болгария, Греция и Сербия. В результате Балканских войн 1912—1913 гг. Македония была поделена между указанными государствами, ни одно из которых не было полностью удовлетворено разделом, игнорирующим этноязыковую мозаичность и чересполосицу. В этом политическом контексте историческая наука, в значительной мере, стала заложницей национальной идеологии.

Магистральным направлением стала этническая история: историки ставили перед собой задачу максимально ярко определить самобытность и историческую «субъектность»

той или иной этноязыковой группы в противостоянии с соседями-«угнетателями».

На основании накопленных знаний создавалась «магистральная» линия этнической (национальной) истории, вписанная в региональный и мировой исторический контекст. Характерно появление в свое время многотомных «официальных» изданий: «История македонского народа», «История Болгарии», «История Албании» и др.¹⁸ В ряде случаев выразителями официальных идей становились «программные» работы отдельных ученых: П. Петрова в Болгарии¹⁹, Б. Ристовского в Македонии²⁰, К. Митсакиса, Н. Мартиса и А. Вакалопулоса в Греции²¹, С. Поло и А. Путо в Албании²².

Многие ученые изучали этническую историю отдельных этносов, представленных на территории Македонии. Работы С. Андреева и Е. Гроздановой²³ и И.Ф. Макаровой²⁴ посвящены этнической истории болгар. С. Чиркович²⁵, П. Ивич²⁶, Е.П. Наумов²⁷ внесли значительный вклад в изучение консолидации сербской народности. Албанский этнос изучали Э. Жаке²⁸ и Б. Гюзелев²⁹. Трансформацию греческого этноса рассматривал А. Вакалопулос³⁰.

При этом предметом принципиальной дискуссии была и до сих пор остается оценка исторического значения Османской империи как таковой, османского завоевания Балканского полуострова, возникновения балканских мусульманских общин.

Османским славянам были посвящены работы ведущих отечественных славистов

¹⁸ Историја на македонскиот народ. Кн. 1. Скопје, 1969; *Historia e shqipërisë*. Vell. 1. Tiranë: Un-t Shtetëror i Tiranës, 1959; История на България. Т. 4. София, 1983; [*Rexhepi F.*] *Historia e Shqipërisë dhe shqiptarëve*. Prizren, 2001.

¹⁹ *Петров П.* Съдбоносни векове за българската народност (края на XIV век — 1912 година). София: Наука и изкуство, 1975.

²⁰ *Ристовски Б.* Македонскиот народ и македонската нација. Скопје, 1983.

²¹ *Mitsakis K.* Macedonia throughout the Centuries. Thessalonica, 1973; *Martis N.K.* The Falsification of Macedonian History. Athens, 1983; *Vacalopoulos A.E.* History of Macedonia. 1354—1833. Θεσσαλονίκη, 1973.

²² *Pollo S., Puto A.* The History of Albania. London, 1981.

²³ *Грозданова Е., Андреев С.* Българите през XVI век (по документи от наши и чужди архиви). София: Изд-во на Отечествения фронт, 1986.

²⁴ *Макарова И.Ф.* Болгарский народ в XV—XVIII вв. Этнокультурное исследование. М.: Комкнига, 2005.

²⁵ *Ћирковић С.* Срби у средњем веку. Београд, 1995.

²⁶ *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1971

²⁷ См., например: *Наумов Е.П.* Османское государство и Сербская православная церковь // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М.: Наука, 1986. С. 117—135.

²⁸ *Jacques E.E.* The Albanians: An Ethnic History from Prehistoric Times to the Present. McFarland, 1995.

²⁹ *Гюзелев Б.* Албанци в източни Балкани. София, 2004.

³⁰ *Vacalopoulos A.* The Greek Nation, 1453—1669. NJ: Rutgers University Press Rutgers University Press, 1976.

XIX в.: В.И. Григоровича³¹, В.В. Макушева³², А.Ф. Гильфердинга³³.

Отечественные и зарубежные ученые разошлись во мнениях относительно исторической оценки последствий османского завоевания. В рамках дискуссии заявили о себе две противоположные концепции.

Первая концепция возникла в контексте идеологического развития национальных движений балканских народов, идеализирующих и абсолютизирующих антиосманскую борьбу как «стержень» их этнической истории. В основу концепции легло романтическое противопоставление православных славян и греков туркам-мусульманам. Османская власть воспринималась как «военная оккупация» и характеризовалась исключительно негативно: империя принесла истребление или переселение народов, уничтожение элиты и духовенства, разрушение городов и культурных памятников, налоговый гнет и варварскую феодальную эксплуатацию, интеллектуальный застой.

Ключевое значение приобрела проблематика антиосманских движений и выступлений, отраженная, в частности, в работах В.А. Гордлевского³⁴ и Б. Цветковой³⁵.

Вторая концепция отстаивает противоположную позицию: подчеркиваются положительные последствия установления *Rax ottomanica* — особой цивилизации, которую отличали теократический характер государственности, единое правовое пространство в границах огромной империи, относительно высокий демографический рост, проводимая на государственном уровне политика этнорелигиозной терпимости и поощрения локального самоуправления. Согласно данной концепции, османская эпоха была временем столкновения и взаимообогащения цивилизаций: восточной и западной, мусульманской и христианской.

К этой концепции, в той или иной степени, были близки С. Шоу³⁶ и К. Карпат³⁷. Определенное влияние с ее стороны прослеживается и в работах отечественных османистов И.Л. Фадеевой³⁸ и С.Ф. Орешковой³⁹.

³¹ Григорович В. Очерк путешествия по Европейской Турции. М.: Тип. М.Н. Лаврова, 1877.

³² Макушев В. Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века. Варшава, 1871.

³³ Гильфердинг А. Чем поддерживается православная вера у южных славян? М.: Тип. Александра Семена, 1861.

³⁴ См., например: Гордлевский В.А. Внутреннее состояние Турции во второй половине XVI в. // Избранные сочинения. Т. 3. М., 1962. С. 198—224.

³⁵ Цветкова Б. Хайдутството в българските земи през 15—18 век. Т. I. София, 1971.

³⁶ Shaw S. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. 1. Cambridge, 1976.

³⁷ Karpat K.H. The Politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State. Oxford University Press US, 2001.

³⁸ Фадеева И.Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и Новое время. М., 2001; Она же. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм—панисламизм). XIX — начало XX в. М., 1985.

В ходе дискуссии между сторонниками обеих концепций особое внимание уделялось взаимодействию этнических и религиозных групп. Уникальные механизмы интеграции разнородного населения (как, например, исламизация, тюркская колонизация и практика девширме) могли трактоваться и как насилие со стороны государства (с точки зрения групп), и как особый путь развития, ответ на вызовы времени (с точки зрения империи). Различие в ракурсе восприятия тех или иных исторических реалий препятствует однозначной оценке османского наследия.

Социальная история Македонии, включая ее внутреннюю подобласть, в историографии рассматривалась как на общеосманском, так и на балканском, областном и локальном уровнях.

Социально-экономическое развитие Внутренней Македонии было тесно связано со средиземноморской экономической конъюнктурой и изменениями окружающей среды, что отражено в работах по общей экономической истории Позднего Средневековья и Раннего Нового времени, классический пример которых представляют собой труды Ф. Броделя⁴⁰.

Поскольку единое административно-правовое поле способствовало миграциям населения и уравнивало социальное положение в разных владениях Османской империи, для рассматриваемой темы важны работы, изучающие общую социально-экономическую эволюцию османских институтов.

Х. Иналджик⁴¹ основное внимание уделяет т.н. «Классическому периоду» XV—XVI вв. Отечественные османисты М.С. Мейер⁴² и А.В. Витол⁴³ разработали единую социально-экономическую модель охватившего империю «структурного кризиса» в рамках трансформации Османского государства в XVII—XVIII вв.

Поскольку большинство исследований по османистике основано на анатолийском источниковом материале, становится крайне важна балканская специфика социальных процессов в условиях общего численного преобладания на Балканах немусульманского населения, потенциально нелояльного и дискриминируемого в рамках османской правовой системы.

³⁹ См., например: *Орешкова С.Ф.* Государственная власть и некоторые проблемы формирования социальной структуры османского общества // *Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы.* М.: Наука, 1986. С. 5—18.

⁴⁰ См., например: *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1. Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002.

⁴¹ См., например: *İnalçik H.* The Middle East and the Balkans under the Ottoman Empire. Essays on Economy and Society. Bloomington: Indiana University, 1993.

⁴² *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в.: черты структурного кризиса. М.: Наука, 1991.

⁴³ *Витол А.В.* Османская империя (начало XVIII в.). М.: Наука, 1987.

Следует выделить работы, посвященные анализу социальной структуры и культуры балканских народов. Й. Цвийич⁴⁴ подчеркивал значимость общих черт материальной и духовной культуры разных балканских этносов. В том же ключе выдержаны работы румынского ученого Н. Йорги⁴⁵ и отечественного этнографа Ю.В. Ивановой⁴⁶. Российский языковед Т.В. Цивьян⁴⁷ ввела понятие «балканской модели мира», достигнув своеобразного синтеза достижений балканского языкознания, фольклористики и этнологии.

В. Мутафчиева⁴⁸ и Е. Грозданова⁴⁹ основное внимание уделяли проблемам развития социально-экономических институтов. В трудах Н. Тодорова⁵⁰, Н. Бельдичеану⁵¹, С. Фарохи⁵², М. Стайновой⁵³, М. Кила⁵⁴ воссоздается социально-культурное пространство балканского города османского времени. Значительный вклад в разработку проблематики исторической демографии внесли Х. Гандев⁵⁵ и Ц. Георгиева⁵⁶.

Историю балканского христианства XIV—XVII вв. рассматривают С.И. Муртузалиев⁵⁷ и О. Тодорова⁵⁸. Фундаментальная монография по истории Охридской архиепископии создана И. Снегаровым⁵⁹. Исламизационные процессы составляют область интересов А. Желязковой⁶⁰.

Необходимо указать на работы, посвященные локальной специфике османской социальной системы во Внутренней Македонии. У истоков подобных исследований

⁴⁴ *Цвијић Ј.* Балканско полуострво. Београд, 1987 (*Цвијић Ј.* Сабрана дела. Књ. 2).

⁴⁵ *Iorga N.* Le Caractère Commun des Institutions du Sud-Est de l'Europe. Paris, 1929.

⁴⁶ См., например: *Иванова Ю.В.* Историко-этнографическая область Юго-Восточная Европа // *Иванова Ю.В.* Албанцы и их соседи. М.: Наука, 2006. С. 8—21.

⁴⁷ *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990.

⁴⁸ *Мутафчиева В.П.* Аграрните отношения в Османската империя през XV—XVI в. София: БАН, 1962.

⁴⁹ *Грозданова Е.* Българската селска община през XV—XVIII век. София: БАН, 1979.

⁵⁰ *Тодоров Н.* Балканският град XV—XIX век. Социално-икономическо и демографско развитие. София: Наука и изкуство, 1972.

⁵¹ *Beldiceanu N.* Recherche sur la ville ottoman au XVe siècle. Etudes et actes. Paris, 1973.

⁵² *Faroqhi S.* Subjects of the Sultan: Culture and Daily Life in the Ottoman Empire. I.B.Tauris, 2005.

⁵³ *Стайнова М.П.* Османски изкуства на Балканите. XV—XVIII век. София: Климент Охридски, 1995.

⁵⁴ *Kiel M.* Studies on the Ottoman Architecture of the Balkans. Aldershot, Brookfield, 1990.

⁵⁵ *Гандев Х.* Българската народност през XV век. София: Наука и изкуство, 1989.

⁵⁶ *Георгиева Ц.* Пространство и пространства на българите. XV—XVII век. София: ЛИК, 1999.

⁵⁷ См., например: *Муртузалиев С.И.* Положение зимми и Константинопольской патриархии в Османской империи XV—XVI вв. // Византийский временник. Т. 65. 2006. С. 178—185.

⁵⁸ *Тодорова О.* Православната църква и българите (XV—XVIII век). София: Проф. Марин Дринов, 1997.

⁵⁹ *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия-патриаршия. Т. 2. (от падането ѝ под турците до нейното унищожение (1394—1767)). София: Акад. изд-во Проф. Марин Дринов, 1995.

⁶⁰ *Желязкова А.* Разпространение на исляма в западнобалканските земи под османска власт (XV—XVIII век). София: БАН, 1990.

стояли болгарский этнограф В. Кынчов⁶¹ и отечественный ученый А.М. Селищев⁶². Значительная доля современных представлений о социальных институтах Внутренней Македонии османского периода опирается на этнографические исследования и описания Й. Василевича⁶³, М. Филиповича⁶⁴ и Й. Трифуноского⁶⁵, которые ввели в научный оборот уникальный по объему этнографический материал.

Изучением локальных сюжетов османского прошлого Внутренней Македонии занимались М. Соколовский⁶⁶, А. Матковский⁶⁷, А. Стояновский⁶⁸ и Х. Матанов⁶⁹. М. Миносский создал ряд работ по истории антиосманских выступлений⁷⁰.

В целом же, как представляется, можно констатировать, что различные аспекты исторического прошлого Македонии османского периода в зарубежной и отечественной историографии освещены в далеко не одинаковой степени. Прошлое христианских групп известно лучше, чем мусульманских, положение земледельцев и горожан — намного подробнее, чем судьба горных скотоводческих коллективов. Несмотря на все успехи, достигнутые в изучении политической истории османского завоевания, экономического развития, антиосманских движений, значительные лакуны до сих пор остаются в понимании повседневной социальной жизни локальных сообществ.

Научная новизна диссертации определяется, прежде всего, тем, что в ней, впервые в отечественной историографии, на основании комплексного исследования разнородного источникового материала выполнена целостная реконструкция социальной истории населения Македонии — как славянского, так и неславянского — применительно к периоду с конца XIV по начало XVII в.

В свою очередь, это дает основания для известной корректировки некоторых

⁶¹ Кынчов В. Македония. Етнография и статистика // Кынчов В. Избрани произведения. Т. 2. София: Наука и изкуство, 1970. С. 285—580.

⁶² Селищев А.М. Полог и неговото българско население. София, 1981; Селищев А.М. Славянское население Албании. София, 1931.

⁶³ Васильевич Ж.Х. Скопље и његова околина: историска, етнографска и културно политичка излагања. Београд, 1930.

⁶⁴ Филиповић М.С. Обичаји и веровања у Скопској котлини // Српски етнографски зборник. Књ. 54. Београд, 1939. С. 277—566.

⁶⁵ См., например: Трифуноски Ј.Ф. Полог (антропогеографска проучавања). Београд: САНУ, 1976.

⁶⁶ См., например: Соколовски М. Кичевската нахија во XV и XVI век // Историја. Т. XVII. 1981. № 2. С. 95—136.

⁶⁷ См., например: Матковски А. Крепосништвото во Македонија во време на турското владеење. Скопје: ИНИ, 1978.

⁶⁸ См., например: Стојановски А. Градовите на Македонија од крајот на XIV до XVII век. Демографски проучавања. Скопје: Ин-т за национална историја, 1981.

⁶⁹ См., например: Матанов Х. Възникване и облик на Кюстендилски санджак (XV—XVI век). София, 2000.

⁷⁰ Миноски М. Ослободителните движења и востанија во Македонија (1564—1615). Скопје, 1975.

устоявшихся в историографии представлений о направленности и причинах социальных процессов в балканских владениях Османской империи. Кроме того, новизну представляет сама общая концепция исследования, когда историческая ситуация в македонских землях рассматривается в контексте перехода европейских обществ от Средневековья к Новому времени.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ВЫВОДЫ ДИССЕРТАЦИИ

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы.

Во **введении** содержится постановка проблемы, обоснование актуальности и научной новизны темы, формулировка цели, задач, хронологических рамок и методов исследования, обзор источников и историографии по изучаемой проблеме.

В **первой главе** рассматриваются ключевые аспекты османского завоевания и процесса т.н. «османизации» Внутренней Македонии.

К 1370-м гг. Внутренняя Македония, в политическом отношении, была разделена на целый ряд относительно небольших государственных образований, возникших в результате распада «Сербо-Греческого» царства Стефана Душана (1331—1355 гг.) и его сына Уроша Слабого (1355—1371 гг.). Предпринятые братьями Мрнявчевичами попытки отразить османский натиск закончились поражением в битве на Марице (1371 г.), после чего все правители Внутренней Македонии либо признали вассальную зависимость от Османов, либо были изгнаны из своих владений.

В последней трети XIV — 1 трети XV в. османские власти проводили политику адаптации существовавших на местах социальных отношений к политико-правовой системе будущей империи. Вассальные христианские правители, а также военачальники пограничных областей (удж-беи) постепенно сменялись постоянным административно-бюрократическим аппаратом, опиравшимся на систему военно-служебного землевладения и османское право.

Османские власти установили единое социально-правовое поле на всей территории Внутренней Македонии. Возможность подобного единства в условиях Позднего Средневековья могла быть реализована только посредством тщательной бюрократической регламентации и фискально-полицейского прессинга местного населения. Отметим, что успеху османской унификации в значительной мере способствовало наличие общего византийско-славянского культурно-цивилизационного наследия на местной почве.

При этом османские власти сознательно избегали вмешательства во внутренние

дела локальных общин дабы не возбуждать лишних конфликтов и в целях минимизации затрат на содержание полицейско-бюрократического аппарата, что высвобождало ресурсы для активной внешней экспансии.

Данная политика опиралась на тщательно проработанное идейно-правовое обоснование, сочетающее религиозные нормы шариата с практикой обычного права — орфа, что придавало действиям османских властей значительную гибкость в решении конкретных вопросов.

В качестве частного примера следует указать на действия по исламизации местного населения. Данный процесс регулировался властями исходя из фискальных соображений. В относительно развитых районах со стабильной социально-экономической ситуацией местные власти защищали христианские общины как основных налогоплательщиков. В «депрессивных» районах с сильной преступностью и аграрным перенаселением османская администрация способствовала массовой и индивидуальной исламизации, преимущественно посредством введения для новообращенных налоговых льгот. Благодаря выборочной исламизации, власти сохраняли налоговые поступления на приемлемом уровне и способствовали урбанизации путем привлечения безработных «новых мусульман» в растущие городские центры.

Во Внутренней Македонии получил развитие конфликт городского космополитического, по преимуществу исламского населения с консервативной сельской христианской периферией. Однако власти империи не смогли использовать данное противоречие в своих интересах и к XVII в. начали утрачивать реальный контроль над ситуацией на местах.

Во **второй главе** выдвигается гипотеза, согласно которой к середине XIV в. территория Внутренней Македонии испытала на себе негативные последствия изменения окружающей среды, сказавшиеся на благополучии аграрного общества. Для описания взаимодействия естественных и антропогенных факторов вводятся понятие и термин «природно-социальный кризис» (ПСК).

К естественным факторам, прежде всего, следует отнести влияние т.н. «Малого ледникового периода» — похолодания, затронувшего практически все Северное полушарие. В источниках встречаются многочисленные свидетельства о климатических аномалиях, связанных с изменением уровня влажности. После т.н. климатического оптимума XII—XIII вв., обусловившего рост населения и внутреннюю колонизацию горных районов, наступил период засушливых лет и суровых зим, что пагубно отразилось как на урожайности сельскохозяйственных культур, так и на поголовье мелкого рогатого скота.

В число антропогенных факторов входит значительное по масштабам сведение лесов в результате внутренней колонизации XIII—XIV вв., несовершенства аграрных практик и хрупкости горной экосистемы. Наиболее неблагоприятные последствия вызывали бесконтрольный выпас мелкого рогатого скота на горных пастбищах, а также увеличение порубок с целью получения топлива. Свою роль сыграло и экстенсивное развитие горного дела в конце XIV — XV в. в Северо-Восточной Македонии. В условиях частых засух подлинным бедствием для македонских земель стали регулярные лесные пожары.

Сведение леса облегчалось в тех случаях, когда лесные угодья находились в коллективной собственности сельских общин и эксплуатировались без контроля со стороны частного землевладельца.

Уже в XIII—XV вв. в Западной Европе начали появляться первые законодательные нормы экологического регулирования — в частности, ограничения на сведение лесов. Балканские земли отставали в хозяйственном развитии от Западной и Центральной Европы, где интенсивная внутренняя колонизация и освоение горно-рудных и лесных богатств происходили несколько раньше. Но для проведения норм в жизнь была необходима поддержка со стороны государственного судебно-бюрократического аппарата, едва ли возможная в рамках разобщенных и территориально нестабильных доосманских государственных образований конца XIV в.

Османская империя предложила иной путь развития — централизованное регулирование и перераспределение продовольственных, сырьевых и людских ресурсов посредством административно-фискальных мер. Поэтому в балканских владениях Османской империи законодательные ограничения на вырубку деревьев так и не были введены.

Проводимая османской администрацией регламентация форм хозяйственной деятельности и категорий собственности в условиях кризиса представляется безусловно положительной мерой. В силу многочисленных бюрократических и коррупционных барьеров государственная регламентация сковывала хозяйственную инициативу, чем замедляла наступление негативных последствий экологического кризиса. Однако скромный положительный эффект, который давала регламентация, не мог предотвратить истощения природных ресурсов из-за стремления властей к максимизации налоговых поступлений.

Совокупность естественных и антропогенных факторов привела к деградации сельскохозяйственных угодий и, как следствие, нанесла удар по благополучию аграрного общества Внутренней Македонии.

Следует отметить, что развитие природно-социального кризиса отчетливо зависело от локальной специфики разных районов Внутренней Македонии. В районах со значительной диверсификацией аграрного производства (в Пелагонии, в районе Охридского и Преспанского озер) последствия кризиса были малозаметны в отличие от «депрессивного» района Осоговского массива, где развитие горно-рудного дела нанесло непоправимый урон экологии.

Неоднородность природных условий и неравномерность в развитии кризисных явлений в пределах Внутренней Македонии предопределили миграционные потоки из «депрессивных» перенаселенных районов в более благополучные.

В третьей главе исследуются механизмы внутренних миграций.

В силу специфики природных условий Внутренней Македонии сельское хозяйство объединяло два специализированных хозяйственно-культурных типа: земледелие в горных долинах и отгонное скотоводство в горах. Если земледелием традиционно занималось греческое и славянское население, то скотоводство было уделом албано-влашских групп.

Начавшийся природно-социальный кризис нарушил ранее сложившееся социально-демографическое равновесие между земледельцами и скотоводами. Наиболее хрупкой частью экосистемы Внутренней Македонии были горные пастбища, сокращение их площадей обусловило резкое падение возможностей отгонного скотоводства.

В среде горных скотоводов произошел демографический взрыв, прямым следствием которого стала миграция горного населения (прежде всего, албанцев) в долины и массовый переход от скотоводства к земледелию. В условиях аграрного перенаселения, дефицит земельных наделов привел к конфликтам мигрантов с исконно оседлым населением и землевладельцами.

Оседание горных скотоводов разрушило прежде единое сообщество албано-влашских групп, произошла «профессиональная» сегрегация албанцев и влахов: большинство перешедших к земледелию скотоводов приобрело албанскую самоидентификацию, меньшинство, занявшееся ремеслами и торговлей, составило основу влашских городских общин. В результате сложных этносоциальных процессов албанцы сохранили свой язык и даже ассимилировали многие славянские группы, тогда как влахи через несколько поколений утрачивали свою идентичность и подвергались эллинизации и славянизации.

В десятилетия, непосредственно предшествовавшие османскому завоеванию, экспансия горных скотоводов имела важные политические последствия для македонских земель, ослабив местные государственные образования перед лицом османской угрозы. При этом именно первая волна албанских переселенцев оказала наиболее ожесточенное

сопротивление османскому завоеванию, известное как войны Скандербега.

Стремясь перехватить инициативу, османские власти предприняли значительные усилия по нормализации отношений с албанскими мигрантами. В интересах поддержания экономической стабильности и военной мощи государство было обязано сохранять равновесие между тремя основными производящими силами — земледельцами, скотоводами и городскими ремесленниками. Власти использовали два инструмента для уравнивания социально-экономической системы — налоговый пресс и миграционную политику. В качестве приоритетных были избраны такие меры как инкорпорация албанской элиты, исламизация, регламентация оседания, тюркская колонизация отдельных районов.

Особых успехов османские власти добились в исламизации албанцев. Феномен быстрой и массовой исламизации объясняется как зависимостью албанских мигрантов от расположения властей, так и особенностями их культуры. Изначально слабая религиозность горцев снижала сопротивление принятию ислама со стороны их общин, в то время как новая религия выделяла мигрантов среди исконных земледельцев, преимущественно православных христиан по вероисповеданию.

Регламентация оседания и частичная исламизация привели к консервации этнических различий между славянами и албанцами.

Оседание горцев представляется неизбежным и объективным социально-экономическим процессом. Новое товарное скотоводство сначала потеснило архаичные формы кочевничества и трансгумации, а затем привело к слиянию земледельцев и скотоводов в единую хозяйственную общность. К XIX в. пастушество было в равной степени распространено среди всех этнических групп Македонии, в т.ч. и среди славян. Таким образом, оседание объяснялось общеисторическими закономерностями исчезновения кочевых обществ как не выдерживающих конкуренции с земледельцами Нового времени.

Вероятно, при невмешательстве со стороны властей Османской империи, конфликт албанцев и славян закончился бы сравнительно мирной албанизацией славян в границах зарождавшейся албанской государственности и славянизацией албанцев в остальных районах. Таким образом, уровень этнической однородности Внутренней Македонии должен был бы возрасти, что могло бы закономерно создать предпосылки для национальной консолидации в Новое время.

Однако османская политика сделала невозможным развитие Внутренней Македонии по этому пути. Албанско-славянский конфликт вплоть до XIX в. не раздувался османскими властями сознательно. Тем не менее, меры османской администрации по

исламизации албанцев и поддержанию социально-экономического равновесия между земледельцами и скотоводами объективно усилили этнические различия и предопределили дальнейшее обострение конфликта.

В условиях оседания ислам дал албанцам основу для самоопределения. Социально-политическое доминирование мусульманского меньшинства над христианским большинством привело к переплетению конфликтов самого разного рода: религиозного, миграционного (между переселенцами и автохтонами), этнического. В результате произошла успешная экономическая интеграция земледелия и скотоводства в хозяйства нового типа, но объективно связанная с ней социально-этническая интеграция славян и албанцев оказалась прервана и не возобновилась вплоть до настоящего времени.

В четвертой главе рассматриваются локальные варианты механизмов местного управления. В зависимости от ситуации, власти управляли населением напрямую, через посредников в лице духовенства, через старейшин и родовых вождей, путем предоставления различных степеней автономии. Землевладельцы-спахии в большинстве случаев не были напрямую включены в государственный аппарат, хотя и выполняли определенные полицейские функции.

Прямое управление было характерно для крупных городов (Манастир, Ускюб, Серес) с преобладанием мусульманского населения, а также для стратегически важных участков важнейших путей сообщения (перевалы Качаник и Эгри-Дере).

Управление сельскими районами с преимущественно христианским населением осуществлялось либо через православное духовенство, либо через местных старейшин и иных светских лиц. Выбор между двумя типами управления может быть связан с различием между благополучными и «депрессивными» районами, в разной степени испытывшими на себе последствия природно-социального кризиса. Если для первых характерна определенная стабильность, позволяющая поддерживать относительно высокий уровень церковной организации, то для вторых свойственна малая плотность сети приходов и общая архаизация социальных отношений — вплоть до восстановления элементов родового строя.

Между духовенством и зажиточной верхушкой христианских общин происходила борьба за влияние, связанная с исчезновением доосманской элиты. Авторитет священников, их роль в духовном развитии общины, функции посредничества между паствой и властями в значительной мере подрывались их материальной зависимостью от паствы и падением общего уровня церковной жизни.

Что же касается труднодоступных горных районов, то османские власти

довольствовались формальным изъявлением лояльности со стороны их населения, выразившимся в уплате налогов. Ярким примером подобного рода служит область Мариово к северу от Пелагони.

Особый интерес в рамках исследования представляет архаичный институт круговой поруки, основанный на локальных интерпретациях обычного права и объединяющий множество функций: от налоговой ответственности перед властями до уравнивания социального уровня общинников.

Круговая порука восполняла недостаток профессиональных чиновников и полицейского аппарата, поскольку содержание имперской бюрократической машины не должно было подрывать налогооблагаемую базу в лице непосредственных производителей. Функции осведомления государства, налогового учета, согласования, распределения и сбора повинностей выполнялись старейшинами и священниками.

Переложив ответственность на сами локальные группы, османские власти сокращали число необходимых эмиссаров, тем самым снижая расходы на должностных лиц и избегая коррупционных издержек. Ослабление полицейских сил позволяло усилить действующую армию. Сокращение чрезмерного бремени обязательств населения перед властями влекло за собой снижение социальной напряженности, что было наиболее важной задачей местного управления.

Круговая порука перекладывала на общину функции борьбы с преступностью, самоуправления и социального представительства, финансово-денежного обеспечения и поддержания социальной однородности, что, в принципе, свидетельствует о несовершенстве османской правовой системы и социального устройства. Однако практики и институты местного управления, действовавшие в македонских землях, отличались поразительной гибкостью и способностью адаптироваться к местным реалиям, вследствие чего османским властям удавалось поддерживать на приемлемом уровне искомую социальную стабильность.

В **пятой главе** рассматриваются виды «горизонтальной» самоорганизации, к которой прибегало население Внутренней Македонии для разного рода давления на местные власти и отстаивания собственных интересов.

Наиболее известной формой подобного давления следует признать коррупцию, составлявшую повседневную реальность функционирования османских государственных институтов. Подкуп должностных лиц помогал местному населению добиваться коррекции размеров налогов и повинностей, ослаблять дискриминационные меры по отношению к немусульманам, развивать производство и распространение запрещенных

товаров. Таким образом, коррупция способствовала снижению числа конфликтов между государством и населением, хотя в то же время подрывала основы местного управления.

В рассматриваемый период характерной формой социального протеста и давления на власти со стороны населения становится горное разбойничество, известное как гайдучество и арабийство. В историографии сложилась устойчивая традиция, согласно которой гайдучество описывалось как национально-освободительное движение, обеспечившее преемственность политической истории балканских народов от предосманских государственных образований XIV в. к национальным государствам Нового времени.

Однако, согласно источникам, гайдучество практически не имело политической окраски и, в гораздо большей степени, отражало неприятие социально-религиозных реалий османской провинциальной жизни. Отряды гайдуков объединяли в своих рядах наиболее активных членов христианских общин, которые не могли реализовать себя по причине религиозных ограничений, и значительное количество уволенных с военной службы наемников-секбанов.

Развитие гайдучества было предопределено горным рельефом, коррупцией местных властей, аграрным перенаселением. Экономическую базу гайдучества составляли поддержка населения, прямой грабеж, а также разного рода нелегальная экономическая деятельность. Во многих случаях гайдучество представляло собой особый вид сезонного отхожего промысла.

Вопрос о степени поддержки гайдуков со стороны местного населения не находит однозначного ответа в источниках. В ряде случаев в гайдуки уходила сельская молодежь, для которой нелегальная деятельность гарантировала определенный заработок и позволяла пройти своеобразную инициацию. При этом молодые люди свободно выходили из своих общин и затем возвращались. Однако известно большое число случаев, когда общины не только не поддерживали гайдуков, но и прямо выдавали их османским властям. Иногда гайдуков использовали сельские старосты в «торге» с представителями местной администрации.

По сравнению с другими османскими владениями, социальное положение во Внутренней Македонии отличалось завидной стабильностью. За рассматриваемый период нельзя выделить ни одного крупного крестьянского восстания — несмотря на «революцию цен» и постоянный рост налогов. Масштаб и значение Мариовских событий 1565 г., как представляется, значительно преувеличены в историографии. Показателен провал восстания в Велесе в 1598 г., свидетельствующий в пользу рациональности и прагматизма принципов османского местного управления.

Несмотря на общую стабильность, активность нелегальных групп возростала и отвлекала на себя значительные военные силы в условиях постоянной военной напряженности на имперских границах. Центральные власти постепенно передавали право принятия решений по локальным вопросам мусульманским (и привилегированным христианским) сообществам, в частности спяхийству. Одновременно с этим, правящая столичная бюрократия ограничила возможности «социального лифта» для выходцев из провинций. В исторической перспективе такая политика обернулась сращиванием спяхийства и арабийства, что привело к дальнейшей потере управляемости.

Источники демонстрируют оживленное взаимодействие христиан и мусульман на локальном уровне, обусловленное закреплением этнорелигиозными группами определенных профессиональных ниш. Среди прочего, об этом свидетельствует массовая исламизация в сочетании с криптохристианством, значительное число смешанных браков (мусульман с христианками), языковое сближение.

К XVII в. соотношение локальных сил существенно меняется, начинается более широкая региональная интеграция, в результате чего возникают сетевые социальные структуры Нового времени, в которых ключевую роль получает этнорелигиозная самоидентификация, предопределившая зарождение протонациональных движений.

В заключении формулируются и обобщаются основные выводы диссертационного исследования.

Системный характер социальных процессов представлял собой отражение общего природно-социального кризиса.

Сложная социальная система Внутренней Македонии предосманского времени подверглась глубокой деформации вследствие как неблагоприятного изменения природной среды, так и самого османского завоевания и последующей «османизации» местного населения, что привело к глубокой перестройке социальных отношений. Место прежней дихотомии «мир земледельцев — мир скотоводов» занял социальный конфликт между разделенными правовой системой религиозными группами — привилегированными мусульманами и дискриминируемыми христианами. На это противоречие наложилось традиционное для обществ Позднего Средневековья столкновение экономических интересов и образа жизни горожан и сельского населения.

Османская администрация поставила своей целью добиться силами местного военно-бюрократического аппарата «османизации» Внутренней Македонии: общей стабильности, своевременного и в полном объеме получения налоговых платежей и правовой интеграции местного населения. В целом, власти проводили двойственную политику: с одной стороны, они гарантировали общинам невмешательство в их

внутренние дела, с другой — жестко регламентировали отношения между этнорелигиозными группами.

Результаты данного политического курса оказались неоднозначными. В обеспечении стабильности власти добились значительных успехов, и даже рост социального напряжения в XVII в. не смог поколебать устойчивости административно-правового порядка. За рассматриваемый период на территории Македонии не отмечено ни одного случая крестьянских восстаний. Стабильность принесла развитие торговли и экономических отношений, урбанизацию, рост уровня жизни и почти двукратное увеличение численности населения на протяжении XVI в.

Однако подобное положение было достигнуто ценой консервации социально-экономических отношений и замедления социального развития. В XVII в. ситуация поменялась, и власти попытались осуществить безуспешную сословно-налоговую унификацию локальных групп, сопровождавшуюся коллективной исламизацией.

В исторической перспективе именно сетевая социальная структура Внутренней Македонии породила элиту местных национальных движений. Однако она же создала предпосылки и для национальных конфликтов, разгоревшихся на местной почве в XIX — начале XXI в., когда все без исключения попытки реализовать тот или иной национальный проект столкнулись с общей проблемой сосуществования разных этнорелигиозных групп на одной территории.

АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ

Рукопись диссертации была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

Основные положения исследования были изложены автором в рамках выступлений на Международной научной конференции «Славянский мир: в поисках идентичности» (Москва, МГУ, 2010 г.), на Международных научных конференциях молодых ученых «Ломоносов 2008» и «Ломоносов 2009» (Москва, МГУ, 2008 и 2009 гг.), на научных конференциях «Христиане в Османской империи» (Москва, Институт славяноведения РАН, 2010 г.) и «Ломоносовские чтения» (Москва, МГУ, 2009 г.).

По теме диссертации были опубликованы 6 статей, из них 2 — в изданиях, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов.

Публикации автора по теме диссертации:

1. **Сафонов А.А.** Документация доверия: списки заемщиков из Манастира 1607—1610 годов // *Славяноведение*. 2010. № 4. С. 40—48.
2. **Сафонов А.А.** Месть эпохи // *Родина*. 2009. № 10. С. 123.
3. **Сафонов А.А.** Соотношение общинных и локальных структур в македонском обществе XVI—XVII вв. // *Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2010»*. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2010.
4. **Сафонов А.А.** Смешанные браки в македонском фольклоре и документации XVI—XVII вв. // *Синергетика образования*. 2009. № 1. С. 158—160.
5. **Сафонов А.А.** Мотивация перехода в ислам жителей Македонии (XVI—XVII вв.) // *Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»*. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2009.
6. **Сафонов А.А.** Экологические причины албано-славянских этнических конфликтов // *Материалы докладов XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»*. [Электронный ресурс]. М.: Издательство МГУ; СП Мысль, 2008.